

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

И. Лукьянова

Российское телевидение: взгляд изнутри

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Lukyanova_27.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Российское телевидение: взгляд изнутри

Политическое участие, на мой взгляд, это гражданское и профессиональное журналистское участие современных СМИ. Для меня, как журналиста, эта тема нелегка и внутренне конфликтна. Шесть лет тому назад я пришла на телевидение, до этого семь лет проработав в печатной журналистике, с иллюзией, что я просто немного меняю жанр. Но вскоре я поняла, что пришла в совершенно другое пространство, устроенное по другим правилам, по другим законам, нежели те, к которым я привыкла за семь лет предыдущей профессиональной деятельности. Мне было страшно некомфортно, но как человек, предпочитающий причины своих трудностей искать не столько в обстоятельствах, сколько в себе, я пошла учиться тому делу, в которое я вошла. Так я оказалась в мастер-классе Владимира Познера, и имела наглость в лицо мэтру отрицательно ответить на вопрос: «Любите ли вы телевидение?».

Почему я не люблю телевидение, работая на телевидении? Во-первых, на мой взгляд, телевидение гораздо в большей степени, чем печатные СМИ или Интернет, не отражает реальность. Оно её конструирует сообразно своим собственным внутренним законам и своими средствами. Средства эти аудиовизуальные, то есть воздействующие на потребителя значительно сильнее в силу самой своей природы. А в силу монтажности в любом телевизионном продукте, будь то новости, художественный фильм, рекламный клип или ток-шоу, всегда присутствует тенденциозность. Причем она воздействует на зрителя очень лукаво, потому что главный принцип телевидения — это правдоподобие. Оно как бы говорит своему потребителю: «Вы же все видите собственными глазами, вы же можете считать себя непосредственным участником событий, вы же сами все оцениваете, вы сами делаете выводы, поэтому какие претензии к камере или оператору?» Но, как было сказано в одном американском детективе: все, что кажется слишком правдоподобным — ложь. Прямой эфир, которого на советском телевидении не существовало никогда, сегодня есть, но вовсе не факт, что прямой эфир, интерактивный контакт со зрителем, риэлити-шоу, которое появилось не так давно, не столь же жестко срежиссированы, как рекламный клип. Законы те же.

Второй главный закон телевидения: любой телевизионный продукт — это, прежде всего, зрелище, зрелище и еще раз зрелище. И при этом зрелище массовое. Мы часто говорим, что газетами управляет тираж, но газета, к счастью, не в та-

*Ирина Лукьянова,
редактор телекомпании
«СКАТ» (Самара)*

кой степени зависима от власти массы, как телевидение. А вот телевидением управляет рейтинг. И, соответственно, на массового телевизионного зрителя ориентирован поток рекламы и на самые активные по зрительскому вниманию временные отрезки ложится основная коммерческая нагрузка телевидения. В прайм-тайм, нагруженный зрительским вниманием, имеют право существовать те и только те программы, рейтинг которых не меньше допустимого нижнего предела. Это в первую очередь новости, во вторую — разнообразные развлечения, в третью — разнообразные ток-шоу, в основном развлекательно ориентированные. Чтобы привлечь массовую зрительскую аудиторию, телевидение налагает на себя достаточно тяжкие ограничения. Оно всегда должно соответствовать ожиданиям аудитории. То есть, существующим стереотипам. Именно поэтому на телевидении, как правило, не бывает открытий, не растиражированных персон, не растиражированных идей.

Телевидение — это самое консервативное средство массовой информации. Если посмотреть любые замеры — гэлаповские ли, комконовские — по демографическим характеристикам зрительской аудитории, то выясняется, что основная масса ее — это люди после 35, а самый существенный массив — сильно немолодые люди. Это пассивная масса. Активный, ищущий информацию человек читает газеты, заходит на интернет-сайты

и так далее. А человек, включающий телевизор, потребляет информацию совершенно пассивно. На телевизионных тренингах, где объясняют, как нужно одеваться для того, чтобы присутствовать на экране, говорят: вы должны быть одеты так, чтобы ваша мама сказала, что вы прилично выглядите. Эта деталь характеризует консервативность телевидения. Но здесь возникает еще одна профессиональная проблема. То, что всем известно — скучно. А скука противопоставлена телевизионному зрителю. В этом состоит главная творческая и технологическая задача, которую решает телевидение: как сделать не скучным общеизвестное. И вот тут действует режиссура, телевизионная драматургия. Появляется ориентация на негатив, на катастрофичность, на скандал, поскольку в любом скандале и катастрофе есть конфликт, который является основой драматургии. Речь не обязательно о фильмах, на которые мы жалуемся, как на разрушающие психику подростков. Как строятся телевизионные новости, как они верстаются? Блок телевизионных новостей начинается с какой-нибудь катастрофы или скандала, которые транслируют практически все каналы. Стаканы с соком, которым плескались друг в друга Немцов с Жириновским, и многочасовое шоу-катастрофа о гибели «Курска» были построены по одной драматургической логике: повышенная эмоциональность, нагнетание эмоций, эмоциональные передргивания — это непременно

ное условие существования любого телевизионного шоу. Объясняется это технологически просто. Чем больше эмоций удастся втиснуть в один фрейм, тем «плотнее» становится телевизионное время и тем больше гарантий, что в каждый момент этого времени зритель не переключит кнопку на пульте управления. Именно поэтому телевидение никогда не будет в полной мере аналитичным и интеллектуальным — это противоречит его природе. Оно всегда будет в большей степени воздействовать на бессознательное, на иррациональное, чем на рациональное начало. Такова его природа. Именно поэтому журналистика в традиционном ее понимании на телевидении чувствует себя крайне некомфортно.

А почему я люблю телевидение? Во-первых, благодаря своей искусственности, драматургии и технологии телевизионная картинка делает реальность более выпуклой и концентрированной — и в этом смысле более убедительной для потребителя телевизионного продукта. Телевидение — это инструмент реального влияния на потребителя информации. Это всегда привлекает, и это великий соблазн. Именно поэтому этот инструмент часто используется спекулятивно — он упрощает, унифицирует восприятие жизни. Но это только инструмент! При помощи микроскопа можно совершить открытие, а можно кому-нибудь дать по голове — это проблема пользователя инструмента.

Телевидение, как профессиональный цех, развивается

и профессионализируется более интенсивно, чем общество печатной журналистики. Именно на телевидении существует практика постоянного повышения профессиональной квалификации. А чем выше становится уровень профессионализма, тем больше хочется усложнить профессиональную задачу; тем скучнее становится давать манипулятивную, монологичную картину мира. На телевидении для заказных телефильмов есть устойчивое наименование — «болты в томате», и делать их ужасно скучно. От такой работы все стараются откеститься, как только возможно, хотя за это платят. Реальный контакт со зрителем, реальная интерактивность, реальная обратная связь гораздо интереснее. У меня программа идет в прямом эфире, но иногда я ее записываю в формате прямого эфира. Реальный хронометраж, никакого монтажа, все абсолютно по честному — но сбоят все: отказывают камеры, ломается аппаратура, приходится прерывать запись, вся бригада изматывается от записи гораздо больше, чем на прямом эфире. Драйва нет! Нет ощущения реальной жизни. Это как раз касается профессионализации. Эмоциональность телевидения. Ведь эмоции не обязательно должны быть примитивно-пещерными. Гражданское чувство — это тоже эмоция, но эмоция другой природы, более сложная. Ее тоже можно «вытаскивать», ставя себе более сложную профессиональную задачу.

И еще я люблю телевидение за то, что оно очень требовательно — может быть, даже требовательнее других публичных пространств — к то-

сфальсифицировать интерактивный контакт со зрителем, и это будет скучно и не интересно, а можно его реально включить в режиссер-

Телевидение — это самое консервативное средство массовой информации

му человеку, который входит на его территорию. Камера действует как увеличительное стекло, выявляя в человеке то, что при обычном человеческом контакте незаметно. Она совершенно не прощает человеку неумение быть публичным, быть хорошим актером в шекспировском понимании («мир — театр, люди в нем актеры»). Мы должны знать свою роль, быть органичными в предлагаемых нам обстоятельствах — и при этом сохранять свою целостность и узнаваемость. Это задача быть личностью, потому что актер интересен тогда, когда он личность. Именно поэтому, на мой взгляд, сегодня в телевизионном публичном пространстве так безлюдно. Разве что Жириновский со своей маской шоумена попадает куда-то. А вот не шоуменов, но персон, актеров в шекспировском смысле слова нет.

Драматургичность, свойственная по природе телевидению, позволяет выстроить дискуссию, реальный публичный диалог не только о том, как тяжело жить соседкам по коммунальной кухне или о любовных многоугольниках, а по гораздо более серьезным темам — и вовлечь в этот диалог зрителя. Можно

свое решение шоу, которое ты создаешь. Это совсем другая задача, и она гораздо интереснее.

И еще я люблю телевидение за то, что оно прекрасный тренер. Экран требует от человека адекватности, умения держать удар. Экранный человек очень уязвим — как любой, кто всерьез выходит в публичное пространство. Снисхождения ему ждать не приходится. Оно требует от человека мужества принять неизбежность утраты популярности и власти, которую дает популярность (нет ничего более эфемерного, чем телевизионная популярность).

А самое главное, за что я люблю телевидение — это серьезный вызов для журналиста, который хочет считать себя профессионалом. То телевидение, которое я люблю, возможно только при постоянном и совместном усилии как журналистского, так и политического сообществ. И оно вполне может не состояться. Я тоже хочу закончить цитатой из Бродского: «Самое обидное, что мы можем сделать с опытом трагедии — это превратить ее в экзистенциальное свинство». Хотя и это, в свою очередь, трагично.